

Олекса Резніков

Прокидається душа

* * *

Люблю зародження вірша:
якесь слівце в сильце трапляє,
чи думка думку упіймає,
чи настрій слід лункий лиша.

Це, ніби подих вітру в гаї,
душевний спокій поруша,
і прокидається душа,
і сили всі свої збирає,

як ніби хоче відкоша
чужинцю дати. Так, буває,
перлину скойка виверша
з піщини, що у ню трапляє.

Люблю дивитись, як зростає
перлинка нового вірша.

* * *

Варити борщ – це теж творити.
Для цього треба мати хист,
щоби їстивним вийшов зміст,
у відповідну форму влитий.

Капустка, сіль, лавровий лист,
м'ясце, буряк. І – закислити.
Як треба вміти замінити
отим борщем любовний лист!

Хоч дехто схильний говорити,
що коли любить – все поїсть,
та більшість хоче догодити,

бо твердо знає, що у піст
так легко може завалитись
до серця чоловіка міст.

Зомбі

Я – зомбі, я – робот,
Що вкажуть, те робить
За пайку, за плату,
За жінку, за хату,
За місце під сонцем,
За те, що віконце
Без ґрат!

Мій пульта керування
Такий бездоганний,
Що рівного в світі
Іще не відкрито:
Це культ існування,
Це культ виживання,
Це культ споживання –
Мій пульта!
Я дався на пробу
До смерти, до гробу,
За булку, за робу,
Іду твердолобо,
Я, робот.

Я, зомбі,
Мій розум на пломбі:
Нічого нового,
Нічого чужого
Не сприйме повік.
Я – зомбі,
Я – робот.
І я – чоловік.

Гаснувший голос

Кричу в пустыне...
Ни души, ни трав, ни зверя.
Кричу в пустыне...
Ни ветерка, ни шороха песка.
Кричу в пустыне...
Если голос свой слышу лишь сам,
то, может быть, я молчу?!
Кричу в пустыне...
И голосу не за что зацепиться,
только бы переждать,
пока кто-нибудь подойдет...
Кричу в пустыне...

Играющий на струнах дождя

Он умел играть на дождевых струнах.
Когда начинался дождь
и протягивал с небес до земли
свои мерцающие серебром струны,
музыкант выходил на улицу
и начинал примериваться.
Руки его стремительно
перебирали дождевики,

озвучивали несколько аккордов,
пробегали гамму.

Чистые высокие звуки
наполняли воздух.
Останавливались прохожие,
удивленно глядели на его движения,
а он,
не обращая на них внимания,
начинал играть
старинный восьмиголосый напев
Григория Сковороды
«Иже херувимы».

Это была чудесная, неземная музыка!
Это был потрясающий спектакль!

Ему приходилось много бегать,
все десять пальцев работали.
глаза уставали
от поисков нужных струн дождя.
Но зато
это была дивная,
чарующая,
упоительная музыка,
которую, к сожалению,
могли слышать лишь избранные.
Хотя
никто
их не избрал.
И музыкант
вдохновенно играл
для самого себя.

Украинской республике,
чьим именем меня судили

Как гром среди ясного неба
звучит приговор судебный:
«Ты любишь меня не в меру.
Не сын потому ты –
дервиш!
Ты любишь меня не в меру –
готов на руках лелеять,
я ж к этому не привыкла:
должны ли так дети делать?
Ты любишь меня не в меру –
нельзя так любить помпезно!»

О чем говоришь ты, мама?!
Глаголить так неуместно!
Подумай, за что ты судишь!
Побойся Бога! Опомнись!
СУДИТЬ ЗА ЛЮБОВЬ СЫНОВЬЮ?!
Печальнее есть ли повесть?!
Соседи тебя осудят,
Покроют позором люди!
И стыдно мне перед ними
до самой кончины будет!
Моя ты Республика, мама!..
Средь ханжеских декораций
зачем свое имя ты даришь
на службу злых провокаций?

Перевод Анатолия Яни

